

Норвич Дж. История Венецианской республики. М.: АСТ, 2009. 862 с.

В начале большой работы историк стоит перед выбором, который, несколько огрубляя, можно обозначить так: история войн или история ремесел? При ином повороте системы координат тот же выбор выглядит следующим образом: история династий или история повседневности? За последние полстолетия граница между двумя полюсами несколько размылась, прежде всего в «истории для историков», то есть в узкопрофессиональной литературе. Однако над книгами, подобными этой — охватывающей период с VIII по XVIII век — по-прежнему витает призрак традиционной «страстной» истории, которая сплавляет в амальгаме династического повествования властные интриги и дальние походы. Чем может быть образцовая история итальянского города-государства? Книгой о набожных мошенниках, непримиримых заговорщиках, удачливых предводителях и выдающихся граждан. Такова отчасти книга Норвича. Но только отчасти. В ней есть кое-что еще, помимо впечатляющих декораций и поучительных анекдотов. История Венеции — это прежде всего история политического. Открытый множеству опасностей и возможностей торговый город-государство — поле особенно скрупулезной, ремесленной работы над смычкой между войной и управлением. То, как эта работа осуществляется, по сути, и составляет основное содержание книги.

На первый взгляд, история Венецианской республики — это эпическая картина военных столкновений, протагонистами которой выступают непримиримые враги. Враги близ-

кие, внутренние, и далекие внешние. Вражда осязаема и даже исчислима. Так, в войнах с восточными правителями счет жертвам может доходить до 15 тысяч (с. 637) и даже до 20 тысяч человек (с. 771), что очень много по меркам времени и демографической ситуации. В этой перспективе история Венеции может прочитываться как история вражды: заговоров, измен, переворотов, всегда непостоянных союзов, поражений, выкупов и подкупов. Такое прочтение могло бы доставить особое удовольствие почитателям Карла Шмитта, но исторически состоятельным осталось бы разве что в глазах сторонников арийских «теорий». Под взглядом Норвича гораздо более ясной становится иная картина — политики как непрерывного маневра. Даже если оставить в стороне постоянные переговоры с горожанами, в которых вынуждены были участвовать даже наиболее властные узурпаторы, шаткий мир, никогда не доведенная до конца угроза обнаруживаются в самом центре военных действий, составляя корыстный интерес профессионалов вражды. Наперекор элементарной (и всегда лишь воображаемой в своей простоте) логике войны, враждующие стороны часто не заинтересованы в окончательной победе, не то что в полном уничтожении противника. Точно так же угроза уничтожения играет в войне роль фундаментального регулятора — даже тогда, и прежде всего тогда, когда она не реализована.

Вот лишь одна из ярких иллюстраций этим тезисам. Франческо Буссоне по прозвищу Карманьола, прославленный кондотьер, руководивший многими успешными опе-

рациями на службе герцога Филиппо Мария Висконти, впал в герцогскую немилость. Произошло это в зените славы Карманьола — и было прямым следствием этой славы. Висконти испугался, что чрезмерное усиление удачливого наемника разрушит баланс сил, прежде работавший в его, герцога, пользу. А Карманьола понял, что решить эту «проблему» герцог может, наняв убийц, отчего по некоторому раздумью перешел в стан противников и в самом деле изменил баланс сил — уже не в пользу Висконти. Ситуация в известном смысле классическая: она прекрасно демонстрирует работу силы, которую не применяют напрямую и которой лишь угрожают. Однако это не вся история. Норвич предлагает ошеломляющую констатацию, прямо детерминированную перманентностью войны и ее профессионализацией: «Репутация кондотьера нуждалась в победах, но в его же интересах было следить за тем, чтобы эти победы не были окончательными, чтобы оставался простор для будущей деятельности. Поэтому, добившись преимущества, он редко доводил дело до конца. А если, что случалось часто, с обеих сторон в войне участвовали армии кондотьеров, война превращалась в игру бесконечных хитростей и уловок, чтобы свести число жертв к минимуму, а по возможности и вовсе избежать неудобств» (с. 393–94). Военные действия, в основе которых лежит не уничтожение врага и даже не победа, а «избежание неудобств» — это высшая форма не-применения наибольшей силы, которая и рождает политику.

В результате подобного лавирования, то есть отсрочки прямого насилия, возникает пространство управления, куда вовлечены, с одной стороны, держатели крупных ставок в силовом состязании, с другой стороны, ответственные граждане, которым далеко не все равно, что будет с городом через год или через десять лет. Всем попыткам окончательной узурпации власти и насаждения пастырского режима со стороны первых даже в самые свинцовые времена в республике противостоят рутинные структуры городского самоуправления. И именно здесь снова обретает смысл принципиальное противостояние и смерть как приемлемое решение. Норвич иллюстрирует это множеством эпизодов из венецианской истории, включая и такой. В какой-то момент городской совет пытается утвердить одним из шести «околоточных» графа, на чье участие в общественных органах уже было наложено жесткое ограничение. Несмотря на протесты горожан, утверждение происходит. В ответ последние выходят на улицы: результат — стычки в городе и жертвы (с. 257). Кого в сегодняшней Италии, не говоря о России, удивила бы такая «малость», как поправление гражданского договора? В большинстве современных бюрократизированных обществ и гораздо более серьезные поводы не кажутся достойными риска и жертв. Однако Венеция XV века готова рисковать во имя правил общежития — поскольку само общежитие не перестает быть политикой. Эта перспектива окончательно избавляет историю республики от ригидного противо-

ставления врагов и друзей. Если уж прибегать к теоретической метафоре, то это множество раз повторяющаяся, постоянно возобновляемая встреча раба и господина, которая порождает все более сложные фигуры политического равновесия. В конечном счете равновесие обрушивается. Любители серьезных уроков могут увидеть в таком финале лишний аргумент в пользу сильной пастырской власти и ограничения любых форм самоуправления. Будто общества с консолидированной пастырской властью, подобные Византии, не знакомы с катаклизмами и распадом. Не стоит, однако, забывать, что хрупкий баланс на грани между борьбой за монополию на силу и отсрочкой в ее применении обеспечил Венеции почти 1000 лет благосостояния. И все эти сложные, всегда опасные и время от времени убийственные маневры не помешали республике сохранять свое господствующее положение на европейской арене.

■ Александр Бикбов.